

. О. Генри

Под лежащий камень (сборник)

«ФТМ»

1912

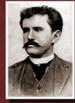
О. Генри

О. Генри — «ФТМ», 1912

ISBN 978-5-4467-2314-0

ISBN 978-5-4467-2314-0

© О. Генри, 1912
© ФТМ, 1912

О.Генри

Под лежачий камень
(сборник рассказов)

ФТМ

О. Генри

Под лежащий камень (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137661
Под лежащий камень (сборник): ФТМ;
ISBN 978-5-4467-2314-0

Аннотация

Один из самых известных юмористов в мировой литературе, О. Генри создал уникальную панораму американской жизни на рубеже XIX–XX веков, в гротескных ситуациях передал контрасты и парадоксы своей эпохи, открывшей простор для людей с деловой хваткой, которых игра случая то возносит на вершину успеха, то низвергает на самое дно жизни.

«Мюррею приснился сон.

Психологи и ученые теряются в догадках и предположениях, стараясь объяснить странные переживания нашего нематериального «я», когда мы бродим в царстве «близнеца смерти» – в царстве сна. Настоящий рассказ не имеет целью бросить свет на этот не исследованный еще вопрос. Он является просто описанием сна Мюррея. Одна из самых поразительных особенностей снов состоит в том, что происходящее во сне на протяжении нескольких месяцев или даже годов на самом деле происходит в течение нескольких секунд или минут...»

Содержание

Сон	6
Правитель людей	9
Атавизм Литтл-Бэра	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

О. Генри

Под лежащий камень

(рассказы из авторского сборника)

Сон

(Перевод Эвы Бродерсен)

Мюррею приснился сон.

Психологи и ученые теряются в догадках и предположениях, стараясь объяснить странные переживания нашего нематериального «я», когда мы бродим в царстве «близнеца смерти» – в царстве сна. Настоящий рассказ не имеет целью бросить свет на этот не исследованный еще вопрос. Он является просто описанием сна Мюррея. Одна из самых поразительных особенностей снов состоит в том, что происходящее во сне на протяжении нескольких месяцев или даже годов на самом деле происходит в течение нескольких секунд или минут.

Мюррей сидел в тюремной камере в отделении для приговоренных к смерти. Электрическая дуговая лампа, висевшая на потолке в коридоре, ярко освещала его стол. По листу белой бумаги полз муравей, дико бросавшийся из стороны в сторону в то время, как Мюррей преграждал ему путь конвертом. Приведение в исполнение смертного приговора посредством электричества было назначено на восемь часов вечера. Мюррей, улыбаясь, смотрел на обезумевшего муравья, мудрейшего из насекомых.

В отделении было еще семеро приговоренных к смерти. С тех пор как Мюррей находился здесь, он видел, как троих увели для приведения в исполнение приговора. Один обезумел и бился, как пойманный в западню волк; другой, не менее безумный, громко молился; третий, слабый духом, упал в обморок, и его унесли, привязав к доске. Мюррей размышлял, как он сам встретит внешне и внутренне момент казни. Сегодня вечером пришел его срок. Должно быть, теперь было около восьми часов.

В отделении было два ряда камер, и напротив него была камера Бонифацио, итальянца, убившего свою невесту и двух полицейских, пришедших его арестовать. Мюррей долгие часы играл с ним в шашки, выкликая ходы своему невидимому партнеру через коридор.

Послышался громкий басистый голос Бонифацио с его всегдашним певучим акцентом.

– Эй, маэстро Мюррей! Как вы себя чувствуете, – хорошо, да?

– Хорошо, Бонифацио, – сказал твердо Мюррей, позволяя муравью вползти на конверт и осторожно сбрасывая его на каменный пол.

– Так и следует, маэстро Мюррей. Такие, как мы, должны умирать как мужчины. Мой срок на будущей неделе. Отлично. Помните, маэстро Мюррей, я выиграл у вас последнюю партию в шашки. Может быть, мы когда-нибудь опять будем играть с вами. Я не знаю. Может быть, нам придется чертовски громко выкликать ходы в том месте, куда нас отправят.

Грубая философия Бонифацио, за которой последовал басистый взрыв музыкального смеха, согрел заочное сердце Мюррея. Да, но Бонифацио оставалось жить еще целую неделю.

Обитатели камер услышали знакомое громкое шелканье стальных затворов в то время, как открывалась дверь в конце коридора. Трое людей подошли к камере Мюррея и отперли ее. Двое из них были тюремные сторожа; третий был Леон, сосед и друг детства Мюррея. Нет, это было в прежние дни – теперь это был преподобный Леонард Уистон.

– Я добился разрешения занять место тюремного священника, – сказал он, крепко пожимая руку Мюррея. В левой руке он держал небольшую Библию, отмечая указательным пальцем нужную страницу.

Мюррей слегка улыбнулся и начал приводить в порядок две-три книги и несколько ручек на своем столике. Он охотно заговорил бы, но никакие подходящие слова не шли ему на ум.

Заклученные окрестили эту часть тюрьмы, в восемьдесят футов длиной и двадцать восемь футов шириной, «Преддверие ада». Постоянный сторож «Преддверия ада», огромный, неотесанный добрый человек, вытащил из кармана бутылку виски и протянул ее Мюррею со словами:

– Это самое, понимаешь, настоящее дело для тех, кому нужно подкрепиться. И, понимаешь, тебе нечего бояться, что ты приохотишься к виски.

Мюррей хлебнул из бутылки.

– Вот так, – сказал сторож. – Немного укрепляющего средства, и все пойдет как по маслу.

Они вышли в коридор, и каждый из семи обреченных понял, что было около восьми часов и что в восемь была назначена казнь Мюррея. В «Преддверии ада» существует своя аристократия. Человек, убивший своего врага или преследователя в открытом бою, в пылу битвы или обуреваемый первобытными чувствами, с презрением относится к подлым убийцам из-за угла.

Таким образом, только трое из семи обреченных крикнули последнее «прости» Мюррею, в то время как он шагал по коридору между двумя стражниками. Это были Бонифацио, Марвин, убивший тюремщика во время попытки бегства из тюрьмы, и Бассет, железнодорожный грабитель, который был принужден убить проводника экспресса, не пожелавшего поднять руки вверх. Остальные четверо молча притаились в своих камерах, чувствуя себя отщепенцами в обществе «Преддверия ада».

Мюррей удивлялся своему собственному спокойствию и почти безразличию. В комнате казни собралось около двадцати людей – тюремное начальство, газетные репортеры и зрители, которым удалось...

Здесь, на самой середине фразы, рука смерти прервала последний рассказ О. Генри. Он предполагал написать этот рассказ совершенно в другом духе, как его предыдущие рассказы. Это должно было стать началом новой серии.

– Я хотел показать публике, – говорил Генри, – что я могу написать нечто новое – то есть новое для меня – историю с настоящей драматической завязкой, трактованную в таком духе, который ближе подойдет к моим взглядам на писательство.

До того как начать писать настоящий рассказ, он вкратце набросал, как он предполагал развить его. Мюррей, виновный в зверском убийстве своей возлюбленной, – убийстве, вызванном припадком безумной ревности – встречает сперва смертную казнь совершенно спокойно и, по всем внешним признакам, даже безразлично. Когда он приближается к электрическому стулу, им овладевает странное чувство нереальности. Вся сцена в комнате казни – свидетели, зрители, приготовления к казни – кажется ему нереальной. В его уме мелькает мысль, что произошла страшная ошибка. Почему его привязывают к стулу? Что он сделал? Какое преступление он совершил? В те несколько мгновений, когда прикрепляли ремни на стуле, перед его умственным взором встает видение. Ему снится сон. Он видит маленький деревенский коттедж, светлый, залитый солнцем, спрятавшийся под сенью цветов. Он видит женщину и ребенка. Он говорит с ними и узнает, что это его жена и его ребенок, а коттедж – его дом. Таким образом, в конце концов, все это была ошибка. Кто-то страшно, непоправимо ошибся. Обвинение, суд, приговор к смерти на электрическом стуле – все это

сон. Он обнимает жену и целует ребенка. Да, здесь счастье. А то был сон. Но тут, по знаку тюремного сторожа, пускается роковой ток.

И то, что Мюррей принял за сон, – оказалось действительностью.

Правитель людей (Перевод Эвы Бродерсен)

Я бродил по улицам города Подлости, страстно желая увидеть незнакомое лицо, потому что Нью-Йорк представляет собою собрание знакомых типов, похожих друг на друга, как песчинки в пустыне. И вы начинаете ненавидеть их, как ненавидите друга, вечно торчащего около вас, или как ненавидите одного из близких ваших родных.

Мое желание исполнилось. Я увидел на углу Бродвея и Двадцать девятой улицы маленького человечка с льяными волосами, с лицом, напоминающим шероховатую кору орехового дерева. Он продавал собравшейся вокруг него толпе универсальный инструмент, который попеременно мог служить пробочником, крючком для застегивания пуговиц, пилкой для ногтей, мог открывать жестянки, чистить картофель и в то же время его, как брелок, можно было подвесить к часам любого джентльмена.

В эту минуту упитанный полисмен стал пробираться сквозь толпу покупателей. Продавец, привыкший, очевидно, к тому, что его торговля внезапно таким образом прерывалась, быстро прикрыл свою сумочку и юркнул, как ящерица, в противоположную сторону. Толпа быстро разбежалась, как муравьи из потревоженного муравейника. Я поспешил за Билли Боуэрсом из Канзаса и поймал его за рукав.

Не взглянув на меня и не убавляя шага, он сунул мне в руку аккуратно сложенный пятидолларовый билет.

– Я не думал, Билли, – сказал я, – что ты так дешево ценишь старых друзей.

Он повернул ко мне голову, и его лицо, похожее на ореховую кору, расплылось в широкую улыбку.

– Отдай деньги, – сказал он, – или я напущу на тебя полисмена за надувательство. Я принял тебя за полисмена.

– Я хочу поговорить с тобой, Билли, – сказал я. – Когда ты уехал из Оклахомы? Где теперь рыжий Мак-Джилл? Почему ты продаешь на улице эту ерунду? Как окончилось дело с твоей золотой рудой? Где ты так страшно загорел? Что ты хочешь выпить?

– Год тому назад я уехал из Оклахомы, – отвечал по порядку Билли. – Мак-Джилл строит ветряные мельницы в Аризоне... Я занимаюсь торговлей, чтобы заработать деньги на текущие расходы... С золотой рудой я прогорел... Был в тропиках... Хочу пива...

Мы пробрались в укромное местечко ресторана и расположились за столиком. Пришлось прибегнуть к воспоминаниям, чтобы вызвать в Билли охоту рассказывать.

– Да, – сказал он, – я помню, как веревка Тимоти разорвалась на рогах коровы, преследующей тебя. Ты и эта корова! Я никогда не забуду этой картины.

– Тропики, – сказал я, – очень обширная местность. Какую часть Рака или Козерога ты почтил своим посещением?

– Где-то в Чили или Перу, а может быть, это была Аргентина, – сказал Билли. – Во всяком случае, это был великий народ, прогрессивный. Я был там три месяца.

– Без сомнения, ты рад, что снова находишься среди настоящего великого народа, – высказал я свое предположение. – В особенности среди ньюйоркцев, самых прогрессивных и независимых граждан всего мира, – продолжал я с ослеплением провинциала, познавшего сладость столичной жизни.

– Как ты думаешь, есть у ирландца юмор? – спросил Билли, не вступая со мной в спор.

– У меня час или два свободных, – сказал я, взглядывая на часы в зале и чувствуя, что Билли начнет свой рассказ. – Как звали ирландца?

– Его звали Барни О’Коннор, – ответил Билли. – Я познакомился с ним в меблированных комнатах в Западной части. Он пригласил меня в свою комнату выпить с ним, и мы подружились, как кошка и собака, выросшие вместе. Он был высокий, красивый мужчина. Однажды он сидел, прислонившись спиной к одной стене и упираясь ногами в другую, разглядывал карту. На кровати лежал чудесный золоченый меч с кисточками и камушками на рукоятке.

– Что это? – спросил я (к этому времени мы уже были хорошо знакомы). – Ежегодный парад для уничтожения поработителей Ирландии? Какой намечен маршрут? Вверх по Бродвею до Сорок второй улицы, затем к западу, к кафе Мак-Карти, затем...

– Садитесь на умывальник, – сказал О’Коннор, – и слушайте. И не истолковывайте ложно присутствие меча. Это меч моего отца из старого Мюнстера. И эта карта совсем не предназначена для составления маршрута праздничной процессии. Если вы еще раз в нее внимательнее взгляните, то увидите, что это материк, известный под именем Южной Америки, состоящий из четырнадцати зеленых, синих, красных и желтых стран. Все они время от времени взывают о помощи, чтобы их освободили от ига угнетателя.

– Я знаю, – сказал я О’Коннору. – Эта идея встречается и в литературе. Можно ее найти в каждом десятицентовом журнальчике. Это постоянная история об искателе приключений, обыкновенно носящем имя О’Киф, который старается сделаться диктатором, в то время как испано-американское население кричит «Коспетто!» и прочие итальянские проклятия. Не думаете ли и вы попытаться это сделать, Барни? – спросил я.

– Боуэрс, – сказал он, – вы человек образованный и храбрый.

– Я не отрицаю этого, – сказал я. – Образование присуще моей семье, а храбрость я приобрел тяжелой борьбой за существование.

– О’Конноры, – сказал он, – воинственный род. Вот там меч моего отца, а вот карта. Я не выношу бездельной жизни. О’Конноры рождены для того, чтобы править. Я должен стать правителем людей.

– Барни, – сказал я ему, – почему вы не поступите в полицию и не начнете спокойную жизнь резни и грабежа, вместо того чтобы скитаться по чужим странам? Каким другим образом сможете вы полнее удовлетворить ваше желание – притеснять угнетаемых?

– Взгляните опять на карту, – сказал он, – на ту страну, где я держу острие своего перочинного ножика. Вот эту-то страну я выбрал, чтобы помочь ей и ниспровергнуть существующий там строй при помощи отцовского меча.

– Я вижу, – сказал я. – Вот эта зеленая страна. Она самая маленькая. Это делает честь вашему здравому смыслу.

– Вы меня обвиняете в трусости? – воскликнул Барни, покраснев как рак.

– Нельзя назвать трусом человека, – ответил я, – который один собирается напасть на страну и конфисковать ее. Самое плохое, в чем можно вас обвинить, это в плагиате или подражании. Но если Рузвельт вас не притянет за это к ответственности, то никто другой не будет иметь права протестовать.

– Не думайте, что я шучу, – сказал О’Коннор. – У меня полторы тысячи долларов наличными, чтобы привести в исполнение этот план. Вы мне нравитесь. Хотите присоединиться ко мне?

– Я без работы, – ответил я ему. – Но нужно сговориться. Будете ли вы меня кормить во время приготовления восстания или я буду только военным секретарем после того, как страна будет завоевана? Вы берете меня на платную должность или на почетную?

– Я плачу за все издержки, – сказал О’Коннор. – Мне нужен человек, которому я могу доверять. Если наше дело завершится успехом, то вы сможете выбрать себе в правительстве любое место, которое вы пожелаете.

– В таком случае, отлично, – сказал я. – Можете быть спокойны – на место президента я не позарюсь. Способ, которым жители этой страны освобождаются от своих президентов, слишком болезненный. Во всяком случае, вы можете занести меня в вашу платежную ведомость.

Две недели спустя О’Коннор и я сели на пароход с целью отправиться в маленькую, зеленую, обреченную страну. Поездка заняла три недели. О’Коннор говорил, что весь его план разработан заранее, но достоинство главнокомандующего не позволяло ему раскрывать подробности перед армией и кабинетом министров, объединяемых в лице Билли Боуэrsa. За свое присоединение к делу освобождения несчастной зеленой страны я получал три доллара в день. Каждую субботу я становился на пароходе во фронт, и О’Коннор вручал мне следуемые мне двадцать один доллар.

Мы высадились в городе Гвашверите или что-то в этом роде. Чертовски трудно выговаривать эти имена. Но сам город выглядел очень красиво с моря, когда мы к нему подплывали. Он был весь белый, с зелеными фалборами и с кружевными воланами на подоле, когда прибой разбивался о песчаный берег. Город выглядел удивительно мирным.

Мы должны были подвергнуться всяким карантинным и таможенным неприятностям, а затем О’Коннор повел меня к оштукатуренному домику на улице, носящей название «Проспекта печальных бабочек». Проспект был шириною в десять футов и весь был усыпан окурками сигар.

– Хулиганский переулочек, – сказал я, давая проспекту более подходящее название.

– Здесь будет наша штаб-квартира, – сказал О’Коннор. – Мой здешний агент, дон Фернандо Пачеко, нанял этот дом для нас.

Таким образом, в этом доме мы установили революционный центр. В передней комнате у нас для отвода глаз были фрукты, гитара и столик. В задней комнате стоял письменный стол О’Коннора, и в свертке соломенного мата был спрятан его меч. Спали мы в гамаках, которые подвешивали к стене, а обедали в гостинице «Ангелы», которую владелец-немец вел на американский лад, с китайским поваром.

Кажется, у О’Коннора действительно была разработана заранее какая-то система. Он писал кучу писем, и почти каждый день в штаб-квартиру заходило несколько знатных туземцев, которые запирались на полчаса в задней комнате с О’Коннором и переводчиком. Я заметил, что когда они входили в комнату, то всегда курили огромные сигары и были настроены самым миролюбивым образом. Когда же они выходили, они обыкновенно складывали десяти или двадцатидолларовые билеты и страшно ругали правительство.

Однажды вечером, после того как мы прожили в Гвая... – ну, в этом морском городишке – около месяца, мы сидели с О’Коннором за воротами и потягивали лимонад с ромом. Я ему говорю:

– Простите патриота, который в точности не знает, какое дело он защищает, за нескромный вопрос, в чем состоит ваш план подчинения этой страны? Намереваетесь ли вы повергнуть ее в кровопролитие или хотите мирно и честно купить голоса на выборах?

– Боуэрс, – сказал он, – вы милый, хороший человек, и я хочу ваши способности применить после нашей победы. Но вы ничего не смыслите в политике. Мы уже раскинули целую сеть стратегических пунктов, и она невидимой рукой будет стянута у горла тирана Кальдераса. Агенты наши работают в каждом городе республики. Либеральная партия должна победить. В наших тайных списках значится достаточно имен, симпатизирующих нам, так что мы сможем одним ударом раздавить правительственные силы.

– И кто все это устроил? – продолжал О’Коннор. – Я устроил. Я всем распоряжался. Мои агенты сообщили мне, что время назрело. Народ стонет под тяготами налогов и пошлин. Кто будет их вождем, когда они восстанут? Может ли быть другой вождь, кроме меня? Как раз вчера Зальдас, наш представитель в округе Дураснас, передавал мне, что народ

втайне уже называет меня «Дверью освобождения». Это испанская манера называть так «Освободителя».

– Я видел, как Зальдас, выходя от вас, засовывал желтый билет в жилетный карман, – сказал я. – Может быть, вас и называют «Дверью освобождения», но они обращаются с вами так, как будто вы являетесь дверью банка. Но будем надеяться на худшее.

– Конечно, это стоит денег, – сказал О'Коннор. – Но через месяц страна будет в наших руках.

По вечерам мы гуляли на площади, слушали оркестр и разделяли скучные удовольствия населения. В городе было тринадцать экипажей, принадлежавших лицам высшего класса и представлявших собою старомодные рыдваны. Они ехали посередине площади, вокруг недействующего фонтана, и сидевшие в них аристократы поднимали свои цилиндры при встречах со знакомыми. Народ разгуливал кругом босиком и попыхивал длиннейшими сигарами. И самой внушительной особой во всем этом сборище был О'Коннор. Он был ростом выше шести футов, в нью-йоркском костюме, с орлиным взором, с черными усами, щекотавшими его уши. Он был врожденным диктатором, царем, героем человечества. Мне казалось, что все взоры были устремлены на О'Коннора, что все женщины были в него влюблены, что все мужчины его боялись. И я сам в эти минуты чувствовал себя важным гидальго Южной Америки.

– Обратите внимание, – сказал мне О'Коннор в то время, как мы разгуливали по площади, – на эту толпу. Посмотрите на их угнетенный, меланхоличный вид. Вы разве не видите, что они готовы возмутиться? Вы разве не замечаете, как они восстановлены против правительства?

– Нет, не замечаю, – ответил я. – Я начинаю понимать этот народ. Когда они выглядят несчастными, это значит, что они веселятся. Когда они чувствуют себя несчастными, они идут спать. Они не из тех народов, которые находят интерес в революциях.

– Они все встанут под наши знамена, – сказал О'Коннор. – В одном этом городе три тысячи человек возьмутся за оружие, когда будет дан сигнал. Меня в этом уверили. Но все еще держится в секрете. Мы не можем проиграть.

В Хулиганском переулке, как я называл проспект, где находилась наша штаб-квартира, был ряд низеньких оштукатуренных домиков с красными черепичными крышами, несколько соломенных хижин, полных индейцами и собаками, и немного дальше двухэтажный деревянный дом с балконами. Там жил генерал Тумбало, комендант города и командующий войсками. Напротив, через улицу, был частный особняк, напоминавший своей постройкой не то духовую печь, не то складную кровать. Однажды, когда О'Коннор и я проходили мимо этого дома по так называемому тротуару, из окна упала большая красная роза. О'Коннор, шедший впереди, схватывает ее, прижимает к пятому ребру и отвешивает поклон до земли. Клянусь! Ирландский театр много потерял, что этот человек не пошел на его подмостки.

Проходя мимо окна, я взглянул в него, и передо мною мелькнуло белое платье, пара больших жгучих черных глаз и сверкавшие зубы под черной кружевной косынкой.

Когда мы вернулись домой, О'Коннор начал расхаживать взад и вперед по комнате и крутить усы.

– Вы видели ее глаза, Боуэрс? – спросил он меня.

– Видел, – сказал я, – и видел еще нечто большее. Теперь все идет как в романе. Я все время чувствовал, что чего-то не хватает. Теперь я понял, что не хватало любви. Наконец-то у нас глаза чернее ночи и роза, брошенная через решетку окна. Что же дальше будет? Подземный ход – перехваченное письмо – преданный герой, брошенный в темницу, – таинственная весточка от сеньориты – затем восстание – бой на площади...

– Не дурите, – прервал меня О'Коннор. – Для меня существует только одна женщина в мире, Боуэрс. О'Конноры так же быстры в любви, как в сражении. Я эту розу буду носить

на сердце, когда поведу в бой свои войска. Чтобы выиграть битву, всегда нужна женщина для придания силы.

– Если вы хотите хорошей драки, то без женщины не обойтись, – согласился я. – Меня только одно беспокоит. В романах светловолосый друг героя всегда бывает убит. Вспомните все романы, которые вы читали, и вы увидите, что я прав. Я думаю сходить в аптекарский магазин и купить краску для волос раньше, чем война будет объявлена.

– Как мне узнать ее имя? – проговорил О’Коннор, держась рукой за подбородок.

– Почему бы вам не перейти через улицу и не спросить ее? – сказал я.

– Я думаю, вы никогда не сумеете серьезно смотреть на жизнь, – сказал О’Коннор строгим тоном школьного учителя.

– Может быть, роза была предназначена, мне, – сказал я, насвистывая испанское фанданго.

Первый раз с тех пор, как я познакомился с О’Коннором, я увидел его смеющимся. Он вскочил, прислонился к стене, залился таким громким смехом, что черепицы на крыше задрожали. Он подошел к зеркалу, посмотрелся в него и снова захохотал. Затем он взглянул на меня и опять покотился со смеху. Поэтому-то я тебя и спросил, есть ли у ирландца чувство юмора. С того дня, как я познакомился с ним, он разыгрывал фарс, не подозревая об этом, и смотрел на него, как на драму.

На следующий день он вернулся домой с торжествующей улыбкой и стал вытаскивать из кармана листок бумаги.

– Я узнал ее имя, – сказал О’Коннор и прочел что-то вроде следующего: – Донна Изабелла Антония Инес Лолита Карерас-Буэнкаминос-Монтелеон. Она живет с матерью, – пояснил О’Коннор. – Ее отец был убит в последнюю революцию. Она, наверное, сочувствует нашему делу.

И, действительно, на следующий день она бросила маленький букет роз прямо через улицу к нашим дверям. О’Коннор нырнул за ним и нашел вокруг стеблей кусочек бумаги с написанной на нем испанской фразой. О’Коннор притащил переводчика и велел ему перевести. Переводчик почесал затылок и предложил нам на выбор три варианта: «Счастье имеет лицо воина»; «Счастье похоже на смелого человека» и «Счастье благоприятствует смелому». Мы остановились на последнем толковании.

– Понимаете? – сказал О’Коннор. – Она меня подбадривает, чтобы я мечом спас ее страну.

– Мне это кажется, скорее, приглашением к ужину, – сказал я.

И, таким образом, сеньорита за решетчатым окном опустошила одну или две оранжереи, выбрасывая каждый день букет цветов. А О’Коннор выпячивал грудь и клялся, что завоеует ее славными подвигами на поле брани...

Понемногу революция начала назреть. Однажды О’Коннор отводит меня в заднюю комнату и сообщает мне весь план.

– Боуэрс, – говорит он, – через неделю, в двенадцать часов, начнется борьба. Вам угодно было высмеивать мой проект, потому что вы не могли себе представить, что он выполним. Но для такого храброго, интеллигентного, незаурядного человека, как я, все возможно. Во всем свете, – говорит он, – О’Конноры правили всегда мужчинами, женщинами и нациями. Подчинить же такую маленькую страну, как эта, совершенный пустяк. Вы сами видите, что здесь за жалкие людишки. Я один легко справлюсь с четырьмя из них.

– Не сомневаюсь, – сказал я. – Но можете вы справиться с шестью? А предположите, что они бросят на вас целую армию из семнадцати человек.

– Слушайте, – сказал О’Коннор, – как все произойдет. В следующий вторник, в полдень, двадцать пять тысяч патриотов восстанут во всех городах республики. Правительство окажется совершенно неподготовленным. Общественные здания будут захвачены, регуляр-

ная армия взята в плен, и составлено новое правительство. В столице будет немного труднее ввиду того, что большая часть войска квартирует там. Солдаты займут дворец президента, укрепленные правительственные здания и смогут выдержать осаду. Но в самый день восстания, как только на местах будет одержана победа, из всех городов выступят наши отряды к столице. Весь план так хорошо разработан, что абсолютно невозможно, чтобы мы проиграли. Я сам отсюда поведу отряд. Новым президентом будет синьор Эспадас, который теперь состоит министром финансов в нынешнем кабинете.

– А вы кем будете? – спросил я.

– Было бы странно, – ответил, улыбаясь, О’Коннор, – если бы мне не предложили на серебряном блюде любое место на выбор. Я был душою всего этого плана, а когда вспыхнет бой, думаю, что я не окажусь в задних рядах. Кто устроил так, что можно было тайком перевезти сюда оружие для наших отрядов? Разве не я, перед отъездом из Нью-Йорка, устроил это дело с тамошней фирмой? Мои агенты уведомили меня, что двадцать тысяч винтовок были выгружены месяц тому назад в секретном месте на берегу и распределены по городам. Я говорю вам, Боуэрс, игра уже выиграна.

Этот разговор поколебал мое неверие в серьезность замыслов ирландского искателя приключений. Видно было, что патриотические жулики не теряли время даром. Я начал взирать на О’Коннора с большим почтением и стал придумывать себе мундир для должности военного секретаря.

Настал вторник – день, назначенный для восстания. О’Коннор сказал, что восстание начнется по условленному сигналу. На берегу, около национальных складов, находилась старая пушка. Ее тайком зарядили, и ровно в двенадцать часов должен был быть произведен выстрел. Революционеры немедленно должны были взяться за спрятанное оружие, напасть на комендатуру и занять таможенную и все правительственные здания.

Я нервничал все утро. К одиннадцати часам О’Коннор пришел в возбуждение, и им овладел воинственный дух. Он размахивал отцовским мечом и шагал взад-вперед по комнате, как лев в зоологическом саду. Я выкурил дюжины две сигар и решил сделать на форменных брюках желтые лампасы.

В половине двенадцатого О’Коннор попросил меня пройтись по улицам, чтобы посмотреть, есть ли признаки готовившегося восстания. Я вернулся через четверть часа.

– Вы что-нибудь слышали? – спросил О’Коннор.

– Слышал, – ответил я. – Сперва я принял это за звуки барабана. Но я ошибся. Это был храп. Все в городе спят.

О’Коннор вытащил свои часы.

– Дураки! – сказал он. – Они выбрали как раз время отдыха, когда все спят. Но пушка их разбудит. Все будет в порядке. Поверьте.

Ровно в двенадцать часов мы слышим выстрел из пушки – бум! – от которого задрожал весь город.

О’Коннор с мечом в руке выпрыгивает на улицу. Я дохожу до дверей и останавливаюсь.

Люди высовывают головы из окон и дверей. И тут им представилась картина, заставившая их всех онеметь.

Комендант, генерал Тумбало, скатился со ступеней своего палатца, размахивая пятифутовой саблей. На нем была треуголка с плюмажем и парадный мундир с золотой тесьмой и пуговицами. Небесно-голубая пижама, сапог на одной ноге и красная плюшевая туфля на другой дополняли его наряд.

Генерал слышал пушечный выстрел и, запыхавшись, бежал по направлению к казармам так скоро, как ему позволял его внушительный вес.

О’Коннор видит его, испускает боевой клич и, высоко подняв отцовский меч, бросается через улицу на неприятеля.

И здесь, на самой улице, генерал и О'Коннор дают представление кузнечного мастерства. Искры летят от клинков, генерал рычит, а О'Коннор потрясает воздух ирландскими воинственными криками.

Но вот генеральская сабля ломается надвое, и генерал улепетывает, крича на ходу: «Полиция! полиция!» О'Коннор, обуреваемый жадной убийства, гонится за ним, на протяжении квартала, отрубая отцовским оружием пуговицы с фалд генеральского мундира. На углу пять босоногих полисменов в рубахах и соломенных шляпах набрасываются на О'Коннора и умиряют его согласно полицейскому уставу.

По дороге в тюрьму его пронесли мимо бывшей революционной штаб-квартиры. Я стоял в дверях. Четыре полисмена держали его за руки и за ноги и тащили по траве на спине, как черепаху. Два раза они останавливались, и запасной полисмен сменял одного из товарищей, чтобы дать ему покурить. Великий полководец повернул голову и взглянул на меня, когда его тащили мимо нашего дома. Я вспыхнул и поспешил заняться сигарой. Процессия прошла мимо, и в десять минут первого весь город снова заснул.

Вечером зашел переводчик и улыбнулся, когда положил руку на большой красный кувшин, в котором мы обыкновенно держали воду со льдом.

– Торговец льдом не заходил сегодня, – сказал я. – Ну, как дела, Санчо?

– Ах, да, – сказал переводчик. – Я только что слышал разговоры в городе. Очень плохо, что сеньор О'Коннор дрался с генералом Тумбало. Да. Генерал Тумбало великий человек.

– Что сделают с мистером О'Коннором? – спросил я.

– Я поговорил с судьей, – сказал Санчо. – Он сказал мне: «Очень плохо, что американский сеньор хотел убить генерала Тумбало». Он сказал еще: «Сеньор О'Коннор просидит в тюрьме шесть месяцев. Потом его будут судить и расстреляют». Очень печально.

– А как же насчет революции, которая должна была произойти? – спросил я.

– О, – ответил Санчо, – я думаю, слишком жаркая погода для революции. Революцию лучше устраивать зимой. Может быть, этак будущую зиму.

– Но ведь был пушечный выстрел, – сказал я. – Сигнал был дан.

– Этот громкий звук? – усмехнулся Санчо. – Это взорвался холодильник на заводе льда... И разбудил весь город... Очень печально... Не будет льда в такие жаркие дни.

Вечером я прошел к тюрьме, и мне дали поговорить с О'Коннором через решетку.

– Какие новости, Боуэрс? – сказал он. – Взяли мы город? Я весь день ждал спасательного отряда. Я не слышал никакой стрельбы. Получены известия из столицы?

– Не волнуйтесь, Барни, – сказал я. – Я думаю, произошло изменение в плане. Теперь у нас более важная тема для разговора. Есть у вас деньги?

– Нет, – сказал О'Коннор. – Последний доллар пошел вчера на уплату нашего счета в гостинице. Захватили ли наши отряды таможеню? Там, должно быть, много правительственных денег.

– Выбросьте всякую мысль о битвах, – сказал я. – Я наводил справки. Вас расстреляют через шесть месяцев за нападение на генерала. Меня ждет наказание – пятьдесят лет принудительных работ за бродяжничество. Вам полагается во все время вашего пребывания в тюрьме только вода. В отношении пищи вы зависите от ваших друзей. Я посмотрю, что я могу сделать.

Я пошел домой и нашел в старой жилетке О'Коннора серебряный чилийский доллар. Я принес ему к ужину жареную рыбу и риса. Утром я прошел к лагуне, напился воды и отправился в тюрьму. По выражению глаз О'Коннора я понял, что он жаждал пива и бифштекса.

– Барни, – сказал я, – я нашел бассейн самой чистой, вкусной, чудной воды. Если желаете, я принесу вам целое ведро, и вы можете вылить из окна эту правительственную дрянную воду. Я готов сделать для друга все, что могу.

– Так вот до чего дошло! – зарычал О’Коннор, в ярости шагая взад и вперед по камере. – Меня хотят уморить голодом, а потом расстрелять? Эти предатели почувствуют тяжесть руки О’Коннора, когда я выйду отсюда! – Затем он подошел к решетке и заговорил более мягко. – Вы ничего не слышали о донне Изабелле? – спросил он. – Если все в мире изменяет, то ее глазам я верю. Она найдет способ освободить меня. Как вы думаете, вам удастся переговорить с ней? Одно ее слово – даже только роза – облегчит мою печаль. Но только говорите с ней как можно деликатнее, Боуэрс. Эти знатные кастильцы очень гордые и щепетильные.

– Вы дали мне блестящую мысль, Барни, – сказал я. – Я зайду к вам потом. Нужно устроить что-нибудь как можно скорее, или мы оба умрем с голода.

Я вышел и отправился в Хулиганский переулок, на противоположную сторону от нашего дома. Когда я проходил мимо окна донны Изабеллы Антонии Регалии, из окна, как обыкновенно, вылетела роза и задела мое ухо.

Дверь была открыта. Я снял шляпу и вошел. В комнате не было очень светло, но я увидел, что она сидела в качалке у окна и курила сигару. Когда я подошел ближе, я заметил, что ей было около тридцати девяти лет и о невинности говорить не приходилось. Я уселся на ручку кресла, вынул сигару из ее рта и похитил поцелуй.

– Аллю, Иззи, – сказал я. – Простите мою фамильярность, но у меня такое чувство, будто я вас знаю уже целый месяц. Чья будет Иззи?

Донна спрятала голову под кружевную мантилью, и я опасался, что она завизжит. Но она через секунду вынырнула и проговорила:

– Я люблю американцы.

Как только я услышал эти слова, я знал, что О’Коннор и я будем сыты в этот день. Я придвинул стул к ее креслу, и через полчаса мы были обручены. Тогда я встал, взял шляпу и сказал, что должен на время уйти.

– Ты вернуться? – с тревогой спросила Иззи.

– Я пойду за священником, – оказал я. – Вернусь через двадцать минут. Мы сегодня повенчаемся. Что ты на это скажешь?

– Повенчаться сегодня? – сказала Иззи. – Хорошо!

Я отправился в хижину консула Соединенных Штатов. Это был седоватый господин в закопченных очках, длинный и тощий. Когда я вошел, он играл в шахматы.

– Простите, что я вас прерываю, – сказал я. – Но не можете ли вы мне сказать, каким образом можно быстро обвенчаться?

Консул встал.

– Мне думается, у меня было право на совершение обряда год или два тому назад, – сказал он. – Я посмотрю и...

Я схватил его за рукав.

– Не смотрите, – сказал я. – Брак всегда является как бы лотереей. Я готов идти на риск, что ваше право еще действует.

Консул отправился со мною в Хулиганский переулок. Иззи позвала свою мамашу, но старая леди была занята ошипыванием куры в кухне и просила извинить ее отсутствие. Иззи и я встали рядом, и консул совершил брачный обряд.

В этот вечер миссис Боуэрс состряпала шикарный ужин из тушеной курицы, печеных бананов, фрикасе из красного перца и кофе. После этого я уселся в качалку у окна, а счастливая Иззи села на пол, перебирая струны гитары.

Вдруг я подскочил с места. Я совершенно забыл О’Коннора. Я попросил Иззи собрать для него как можно больше еды.

– Для этот большой, некрасивый мужчина? – спросила Иззи. – Но все равно – он твой друг.

Я вытащил розу из большой вазы и отправился с корзинкой провизии в тюрьму. О'Коннор ел с жадностью голодного волка. Потом он вытер лицо шелухой банана и спросил: – Вы ничего не слышали о донне Изабелле?

– Тс-с! – сказал я, просовывая розу между перекладинами решетки. – Это она вам посылает. Она просит не падать духом. С наступлением темноты двое замаскированных людей принесли эту розу к развалинам замка в апельсиновой роще. Как вам понравилась курятина, Барни?

О'Коннор прижал розу к губам.

– Это для меня дороже всей еды на свете, – сказал он. – Но ужин был замечательный. Где вы его раздобыли?

– Я взял его в кредит в гастрономическом магазине, – сказал я. – А теперь почивайте. Все, что может быть сделано, я сделаю.

Так шли дела в течение нескольких недель. Иззи была замечательной поварихой, и, будь у нее немного более уравновешенный характер и кури она немного лучший сорт сигар, может быть, дело повернулось бы иначе. Но я начал в это время скучать по настоящим американкам и по трамваям. Я не уезжал только потому, что считал долгом приличия остаться и присутствовать при расстреле О'Коннора.

Однажды наш прежний переводчик завернул ко мне и, просидев около часа, заявил, что его послал судья с просьбой, чтобы я зашел к нему. Я отправился к нему в канцелярию, в лимонную рощу, на краю города, и здесь меня ожидал сюрприз. Я думал увидеть одного из обычных туземцев, с лицом цвета корицы, в широкополой шляпе. На самом деле я увидел злосчастного джентльмена в мягком кожаном кресле, читавшего английский роман. С помощью Иззи я заучил несколько испанских слов и приветствовал его на чистейшем андалузском диалекте:

– Buenas dias, señor. Я...

– Пожалуйста, садитесь, мистер Боуэрс, – ответил он мне на английском языке. – Я восемь лет провел в вашей стране, в университете. Позвольте мне приготовить вам крушон. Как вам – с лимонной коркой или без?

Мы проболтали с ним около получаса. А затем он мне сказал:

– Я вызвал вас, мистер Боуэрс, чтобы сообщить вам, что вы можете забрать вашего друга, мистера О'Коннора. Конечно, мы для вида должны были его наказать по случаю его нападения на генерала Тумбало. Решено освободить его завтра вечером. Вас обоих доставят на борт торгового парохода «Путешественник», который стоит в гавани и отправляется в Нью-Йорк. Насчет вашего переезда все устроено.

– Одну минутку, судья, – сказал я. – Эта революция...

Судья откинулся в кресле и покотился со смеха.

– Ведь все это было шуткой, – сказал он, немного успокоившись, – устроенной судебскими служащими и другими чиновниками. Весь город помирает от смеха. Служащие приворялись заговорщиками и вытянули из сеньора О'Коннора его деньги. Это очень забавно.

– Очень, – сказал я. – Если позволите, я еще налью стаканчик крушона.

На следующий вечер с наступлением темноты несколько солдат привели О'Коннора на берег, где я его ожидал под кокосовой пальмой.

– Тс! – шепнул я ему на ухо. – Донна Изабелла устроила наш побег. Ни слова!

Нас доставили в лодке на маленький пароход, пахнувший кухонным чадом.

Большая, блестящая, тропическая луна взошла, когда наш пароход отплыл. О'Коннор прислонился к перилам и молча взирал на удаляющуюся, как ее... Гваю.

В руке у него была красная роза.

– Она будет ждать, – промолвил он. – Такие глаза, как ее, не могут обманывать. Я ее снова увижу. Никакие предатели не смогут удержать О'Коннора.

– Вы говорите так, как будто ожидается продолжение романа. Но будьте добры, во второй части пропустите светловолосого друга, который украдкой приносит герою в темницу съестные припасы.

И, таким образом, вспоминая пережитое, мы добрались до Нью-Йорка.

Когда Билли Боуэрс кончил свой рассказ, наступило молчание, прерываемое только уличным шумом.

– Вернулся О’Коннор в ту страну? – спросил я.

– Заветное его желание исполнилось, – ответил Билли. – Хочешь со мной немного пройтись? Я тебе покажу.

Он повел меня через два квартала, затем вниз по ступенькам, и мы очутились на центральной станции подземной железной дороги. Сотни людей стояли на платформе.

Городской экспресс примчался и остановился. Он был переполнен. Еще большая толпа бросилась к нему.

В самую гущу свалки бросился широкоплечий, великолепный атлет. Обеими руками он схватывал мужчин и женщин и швырял их, как лилипутов, в открытые двери поезда.

Иногда пассажир с чувством оскорбленного самолюбия оборачивался к нему, желая сделать ему выговор. Но вид синего мундира на гигантской фигуре, свирепый блеск его глаз и сильное нажатие его рук невольно смыкали уста.

Когда поезд наполнился пассажирами, атлет выказал свою особенную способность в качестве правителя людей. Коленами, локтями, плечами, ногами он подталкивал, поднимал, протискивал излишек пассажиров в вагоны. А затем экспресс умчался, и шум колес заглушался визгами, стонами, мольбами, проклятиями несчастных пассажиров.

– Это он. Не правда ли, он изумителен? – с восторгом сказал Билли. – Тропическая страна была не для него. Я желал бы, чтобы наш знаменитый драматург Ричмонд Дэвис увидел бы его. О’Коннор должен быть увековечен.

Атавизм Литтл-Бэра (Перевод Эвы Бродерсен)

Я увидел свет в комнате Джеффа Питерса, над аптекарским магазином. Я не знал, что Джефф в городе, и поспешил к нему. Это был человек на все руки, имевший сотни занятий и при желании умевший рассказать историю о каждом из них.

Я застал Джеффа за упаковкой чемодана для поездки во Флориду, куда он собирался, чтобы взглянуть на апельсиновую рощу, которую он месяц тому назад обменял на рудоносный участок на Юконе. Он ногой придвинул мне стул со своей всегдашней насмешливой улыбкой на продувном лице. Прошло восемь месяцев с тех пор, как мы виделись последний раз, но он поздоровался со мной так, как будто мы расстались только вчера. Для Джеффа время не играет никакой роли.

Некоторое время разговор вертелся вокруг неинтересных предметов и наконец перешел на вопрос о положении на Филиппинских островах.

– Гораздо лучше было бы для всех этих тропических народов, – сказал Джефф, – если бы им дали автономию. Тропический человек знает, что ему нужно. Ему нужно только годовой билет на петушинные бои и патентованную лестницу для влезания на хлебные деревья. А англосаксы хотят заставить его правильно спрягать английские глаголы и носить подтяжки. Поверьте, он был бы счастливее, если бы ему дали жить, как он хочет.

Я был возмущен.

– Образование, брат, – сказал я, – лозунг нашего века. Со временем мы их поднимем до уровня нашей цивилизации. Смотрите, как образование изменило индейцев.

– Ого! – запел Джефф, зажигая трубку (что было хорошим признаком). – Действительно, индейцы! Никак не могу смотреть на краснокожих как на носителей культуры. Как ни старайтесь, но вы не сможете сделать из них англо-саксонцев. Я вам не рассказывал, как мой друг Джон Том Литтл-Бэр¹ вкусил плодов просвещения и культуры, а потом в один миг откатился к тому веку, когда Колумб был мальчуганом? Я не рассказывал?

Джон Том Литтл-Бэр был образованным индейцем и моим давнишним приятелем. Он окончил один из высших футбольных колледжей, которые с таким успехом научили индейцев использовать футбольный мяч, вместо того чтобы сжигать жертвы у столба.

Джон Том и я подружились и решили изготавливать лекарства. Это было законное благородное мошенничество, и мы могли работать потихоньку, так, чтобы не раздражать полиции. У нас было около пятисот долларов, и мы решили их приумножить, как это делают все почтенные капиталисты.

Мы придумали план, который должен был принести столько же выгоды, как лотерея, и был так же честен, как рекламы акционерных обществ по золотым приискам. И через месяц мы уже мчались в Канзас в красном фургоне, запряженном парой резвых лошадей. Джон Том превратился в предводителя Уши-Хип-До, известного индейского лекаря и начальника семи племен. Ваш покорный слуга, мистер Питерс, был управляющим делами и компаньоном. Нам нужен был третий человек, и мы нашли безработного – Конингэма Бинкли. Этот человек имел слабость к шекспировским ролям и мечтал об ангажементе в нью-йоркском театре на двести представлений. Но ему пришлось сознаться, что шекспировскими ролями он не мог прокормиться, и потому он решил удовольствоваться двухсотмильной поездкой в нашем фургоне. Кроме роли Ричарда III, он знал двадцать семь песенок, умел брэнчать на банджо и был согласен готовить нам пищу и смотреть за лошадьми.

¹ Маленький медведь.

Мы придумали много способов для выуживания денег. У нас было волшебное мыло, удаляющее с платьев жирные пятна вместе с кусками материи. Затем у нас было Сум-вата, великое индейское лечебное средство, приготовляемое из травы прерий. Название этой травы Великий Дух открыл во сне своим излюбленным лекарям, Мак-Гарриту и Зильберштейну, чикагским провизорам. Был еще способ выманивания денег у канзасцев, страдающих из-за отсутствия универсальных магазинов. За пятьдесят центов мистер Питерс вручал дамам изящный пакет, завернутый в настоящий японский полуселковый платок. В нем находились шелковые подвязки, сонник, дюжина французских булавок, зубная пломба – все это за пятьдесят центов.

Дела шли великолепно. Мы переезжали с места на место и мирно опустошали благодатный штат Канзас. Джон Том Литтл-Бэр, в полном костюме итальянского предводителя, собирал вокруг себя целые толпы народа. Во время своего пребывания в высшем футбольном колледже он приобрел достаточные познания по риторике и логике, и когда он, стоя в красном фургоне, красноречиво объяснял фермерам страшные болезни и целебные свойства индейского лекарства, то его помощник, Джефф Питерс, не мог достаточно скоро удовлетворить всех жаждущих иметь это снадобье. Однажды вечером мы расположились лагерем у небольшого городка к западу от Салины. Мы всегда разбивали лагерь около ручья, и на это у нас были свои причины. Иногда мы неожиданно быстро распродавали наше лекарство, и тогда предводителю Уши-Хип-До являлся во сне Великий Дух Маниту и приказывал ему наполнить несколько бутылок Сум-вата из первого попавшегося ручья.

Было около десяти часов, и мы только что вернулись после уличного представления. Мы, как всегда, разбили палатку, и я при свете фонаря подсчитывал нашу дневную выручку. Джон Том еще не снял своего индейского наряда и сидел у костра, поджаривая на сковородке бифштексы, в то время как Бинкли кончал драматическую сцену с лошадьми.

Вдруг из-за темных кустов послышался треск, как от петарды, и Джон Том ворча вытащил маленькую пулю, застрявшую в металлических украшениях на его груди. Джон Том прыгнул по направлению выстрела и вернулся, таща за шиворот мальчугана девяти или десяти лет, в бархатном костюмчике, с небольшим никелевым игрушечным ружьем в руке.

– Эй ты, малыш, – сказал Джон Том, – что ты выдумал стрелять из твоей гаубицы? Ты мог бы попасть кому-нибудь в глаз. Выйди-ка сюда, Джефф, и присмотри за бифштексами. Не дай им подгореть, пока я учиню допрос этому чертенку.

– Трусливый краснокожий, – сказал мальчуган, как бы цитируя одного из своих любимых авторов. – Посмей сжечь меня на костре, и белолицые сметут тебя с лица земли. А теперь пусти меня, или я скажу маме.

Джон Том поставил мальчугана на складной стул и уселся рядом с ним.

– Теперь скажи великому предводителю, – сказал он, – почему ты стрелял в него. Разве ты не знал, что ружье заряжено?

– Ты индеец? – спросил мальчуган, поглядывая на наряд Джона Тома.

– Да, индеец, – сказал Джон Том.

– Так вот поэтому я и стрелял, – ответил мальчик, размахивая ногой.

Я так залюбовался смелостью малыша, что мои бифштексы чуть не подгорели.

– Охо! – сказал Джон Том. – Я понимаю. Ты поклялся очистить весь материк от диких краснокожих. Ведь так, малыш?

Мальчуган кивнул головой.

– А теперь скажи, где твой вигвам, – продолжал Джон Том. – Где ты живешь? Твоя мама будет беспокоиться, что ты не вернулся. Скажи мне, и я провожу тебя домой.

Мальчуган усмехнулся.

– Ты не сможешь, – сказал он. – Я живу за тысячи, тысячи миль отсюда. – Он рукой обвел горизонт. – Я приехал на поезде, – сказал он, – совсем один. Я вышел здесь, потому что кондуктор сказал, что мой билет больше не действителен. – Внезапно он взглянул на Джона Тома с подозрением. – Держу пари, что вы не индеец, – сказал он. – Вы не говорите, как индейцы. На вид вы будто индеец, но индейцы умеют только говорить «много хорошо» и «белолицый умереть». Держу пари, что вы один из поддельных индейцев, которые продают лекарства на улицах. Я видел одного в Квинси.

– Это к делу не относится, – сказал Джон Том, – настоящий ли я индеец или сошел с этикетки сигарного ящика. Весь вопрос в том, что нам с тобой делать. Ты удрал из дома, начитавшись разных книг. И оскандалился тем, что стрелял в мирного индейца. Что скажешь на это?

Мальчуган на минуту задумался.

– Я вижу, что я ошибся, – сказал он. – Я должен был бы идти дальше на запад. Говорят, в ущельях еще встречаются дикие индейцы.

Маленький плутишка протянул руку Джону Тому.

– Пожалуйста, простите меня, сэр, – сказал он, – что я в вас стрелял. Надеюсь, я вас не ранил. Но вы должны быть осторожнее. Когда скаут видит индейца в белом наряде, его ружье не может бездействовать.

Литтл-Бэр громко захохотал, подбросил мальчугана высоко в воздух и посадил его себе на плечо, а маленький беглец с радостью стал перебирать пальцами орлиные перья на голове Джона Тома. По всему было видно, что с этой минуты Литтл-Бэр и мальчуган сделались закадычными друзьями. Мальчуган забыл свою вражду к индейцам, выкурил трубку мира с дикарем, и по его глазам было видно, что он мечтал о томагавке и о паре мокасин для себя.

Мы поужинали в палатке. Малыш смотрел на меня и на Бинкли, как на простых смертных, служивших только фоном для лагерной сцены. Во время ужина Литтл-Бэр спросил, как его зовут.

– Рой, – ответил мальчуган.

Но когда Джон Том начал спрашивать его фамилию и адрес, мальчик покачал головой.

– Я лучше не скажу, – сказал он. – Вы меня отправите обратно. Я хочу остаться с вами. Мне очень нравится жить в лагере. Дома я устраивал с мальчиками лагерь на нашем заднем дворе. Мальчики называли меня Рой Красный Волк. Так меня и зовите. Дайте мне, пожалуйста, еще кусок бифштекса.

Нам пришлось оставить мальчугана у себя. Мы знали, что где-то из-за него волнуются, что мама, дядя, тетка и начальник полиции горячо ищут его следы, но он упорно отказывался сообщить что-нибудь о себе.

Мальчуган стал главной приманкой нашего предприятия, и мы втайне надеялись, что родственники не найдутся. Во время торговли он находился в фургоне и передавал бутылки мистеру Питерсу с гордым и довольным видом. Однажды Джон Том спросил его об отце.

– У меня нет отца, – сказал он. – Он удрал и бросил нас. Мама очень много плакала.

Джон Том был за то, чтобы одеть мальчика как маленького предводителя и разукрасить его бусами и ракушками, но я запротестовал.

– Кто-то потерял этого мальчугана и ищет его. Я попробую какой-нибудь хитрый военный маневр. Может быть, мне и удастся узнать его адрес.

В этот вечер я подошел к костру, где сидел Рой, и презрительно на него посмотрел.

– Сникенвитцель! – сказал я таким тоном, как будто меня тошнило от этого слова. – Сникенвитцель! Тьфу! Если бы меня звали Сникенвитцель!

– Что с вами, Джефф? – спросил изумленный мальчуган, вытаращив на меня глаза.

– Сникенвитцель! – повторил я и сплюнул. – Я видел сегодня человека из твоего города, и он мне сказал, какая у тебя фамилия. Я не удивляюсь, что тебе стыдно было ее назвать. Сникенвитцель! Фу!

– Да что с вами! – воскликнул с негодованием мальчик. – Меня совсем так не зовут. Моя фамилия Коньерс. Что с вами?

– И это еще не все, – продолжал я быстро, не давая ему, опомниться. – Мы думали, что ты из приличной, хорошей семьи. Вот, например, мистер Литтл-Бэр – он предводитель ирокезов и имеет право носить по праздникам девять хвостов выдр. Профессор Бинкли – он играет Шекспира и на банджо. А я сам? У меня сотни долларов в черной жестянке в фургоне. И такие люди, как мы, не могут принимать к себе в общество бог знает кого. Этот человек мне рассказал, что твоя семья живет в маленьком переулке, где даже нет тротуаров, и что козы едят с вами за одним столом.

Мальчик чуть не заплакал.

– Враки, все враки! – закричал он. – Он не знает, что говорит. Мы живем на Поплар-авеню. Я не дружу с козами. Да что с вами?

– Поплар-авеню! – иронически произнес я. – Поплар-авеню! Нечего сказать, хорошая улица! В ней только несколько домов. Что ты мне толкуешь о Поплар-авеню!

– Она тянется на несколько миль, – сквозь слезы проговорил мальчик. – Наш дом – восемьсот шестьдесят второй, а за ним еще много домов. Я не понимаю, что с вами, Джефф? Ах, вы мне надоели!

– Ну, ну, успокойся, – сказал я. – Я вижу, что тот человек ошибся. Может быть, он говорил про какого-нибудь другого мальчика. Если я его поймаю, то я здорово его проучу, чтобы он не клеветал на людей.

А после ужина я отправился в город и протелефонировал миссис Коньерс, живущей в Квинси, на Поплар-авеню, дом 862, что сын ее с нами, жив и здоров и что мы его будем держать у себя до дальнейших распоряжений. Через два часа пришел ответ, гласивший, что она приедет за сыном со следующим поездом и до тех пор просит держать его крепко.

Ближайший поезд прибывал на следующий день в шесть часов, и мы с Джоном Томом пошли на станцию, взяв с собою и мальчика. Вы напрасно бы искали великого предводителя Уши-Хип-До. Вместо него был мистер Литтл-Бэр в одеянии культурного англосаксонца. Сапоги были лакированные, и галстук завязан безукоризненно. Всему этому научился Джон Том в высшем футбольном колледже вместе с метафизикой и прочими премудростями. Если бы не странный цвет его лица и не прямые черные волосы, его можно было бы принять за самого обыкновенного человека.

Поезд подкатил, и из него вышла маленькая женщина в сером, с ореолом пышных волос. Она быстро огляделась вокруг. Мальчик с криком «мама!» кидается к ней. Она кричит «о!», и они бросаются друг другу в объятия. И в эту минуту все краснокожие могли бы спокойно вылезти из своих пещер, не боясь ружья Роя Красного Волка. Миссис Коньерс подходит к нам и благодарит меня и Джона Тома без обычной для женщин экспансивности. Она как раз сказала столько, сколько было нужно, и с достаточной убедительностью. Я сделал неудачную попытку в разговорном искусстве, и леди дружески улыбнулась мне, как будто бы знакома была со мною целую неделю. Тут мистер Литтл-Бэр приплел несколько фраз, в которых сразу почувствовался образованный человек. Я видел, что мать мальчика пришла в некоторое недоумение, не зная, к какому обществу отнести Джона Тома.

Мальчик представил нас несколькими словами, которые были яснее длинных объяснений. Он приплясывал вокруг нас, хлопал нас по спине и старался вскарабкаться на Джона Тома.

– Это Джон Том, мама, – сказал он. – Он индеец. Он продает лекарство в красном фургоне. Я стрелял в него, но он не дикий индеец. Другого зовут Джефф. Он тоже факир. Пойдем, я покажу тебе лагерь, где мы живем. Хочешь, мама?

Видно было, что вся жизнь женщины заключается в этом ребенке. Он был опять около нее, и ей больше ничего не было нужно. Она готова была сделать все, что ему хотелось. Она колебалась восьмую долю секунды и снова взглянула на незнакомых ей людей. Я догадываюсь, что бы она сказала про Джона Тома: «Он кажется джентльменом, хотя волосы его и прямые». А мистера Питерса она, вероятно, определила бы так: «Не женский кавалер, но человек, который знает женщин».

Итак, мы все дружно направились к лагерю. Она осмотрела фургон, погладила рукою место, где мальчуган обычно спал, и смахнула платком слезу с ресниц. Профессор Бинкли на одной струне банджо сыграл нам «Трубадура» и собирался перейти на монолог Гамлета, когда одна из лошадей запуталась в своей веревке, и он должен был пойти ее освобождать.

Когда стемнело, мы отправились вчетвером в город, в гостиницу, и поужинали там. Я думаю, беда началась за ужином, когда мистер Литтл-Бэр начал выпренно выражаться. Я только молча внимал полету его мыслей. У этого краснокожего был дар слова. Я это всегда знал, но в этот вечер мне показалось, что я в первый раз слышу его красноречие. Поражал не предмет его разговора – он говорил о самых обыкновенных вещах: соборах, катарах, поэзии, футболе, стоимости багажа, – а манера его разговора, мягкий нежный акцент, с которым он произносил каждое слово. Миссис Коньерс, видимо, охотно его слушала, и они так и перекидывались элегантными фразами. А я только изредка вмешивался в разговор, прося передать мне масло или ножку цыпленка.

По-видимому, миссис Коньерс произвела большое впечатление на Джона Тома. Да она и была из того сорта женщин, которые могут нравиться. На нее было приятно смотреть, и вся ее манера подкупала в ее пользу.

Миссис Коньерс с мальчиком осталась ночевать в гостинице. Утром они хотели уехать домой. Мы просидели с ними до восьми часов, а затем до девяти продавали знаменитое индейское лекарство около городского сквера. Джон Том дал мне уехать с профессором к лагерю, а сам остался в городе. Мне этот план не особенно улыбался. Я из этого заключил, что Джон Том находился в расстроенных чувствах, а последствием этого могла явиться «огненная вода» и связанные с ней неприятности. Предводитель Уши-Хип-До не часто прибегал к огненной воде, но если это случалось, то на долю белолицых в синих мундирах и с дубинками в руках доставалось немало хлопот.

В половине десятого профессор Бинкли завернулся в одеяло и мирно захрапел, а я остался сидеть у костра, прислушиваясь к лягушачьему концерту. Мистер Литтл-Бэр тихо проскользнул в лагерь и уселся под дерево. Не было признаков, что он прибегал к огненной воде.

– Джеффи, – сказал он после долгого молчания, – мальчуган пробрался на запад, чтобы преследовать индейцев.

– Ну а дальше? – спросил я, не понимая хода его мыслей.

– И он ранил одного индейца, – сказал Джон Том, – но не ружьем. И на нем не было бархатного костюма.

Тут-то я смекнул, в чем дело.

– Я понимаю, о ком ты говоришь, – сказал я. – О мальчике со стрелой, которого помещают на любовных письмах. Глупые люди, красные и белые, делают его жертвами.

– Про красных ты не ошибся, – спокойно сказал Джон Том. – Как ты думаешь, Джефф, за сколько лошадей я могу купить миссис Коньерс?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.